

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ВИКТОР МИШИН

**Я ИЗ ЖЕЛЕЗНОЙ
БРИГАДЫ**

МОСКВА

«Хрена как здесь все интересно...» — в голове мелькнула мысль и унеслась прочь. Еще вчера я вешал форму в шкаф и оружие сдавал, а сегодня...

— Взво-о-од, в атаку-у! — Раздалась трель свистка, разрывающая мозг, и со всех сторон от меня (стоявшего, блин, в окопе) начали подниматься солдаты. Странные какие-то, но явно солдаты, а не мирные граждане. Поднимались как один и лезли на бруствер, а там, между прочим, пули свистят, это я всегда распознать смогу. Окоп глубокий, стенки местами уже серьезно так повреждены, но сооружение впечатляло. Земля влажная, осыпается комками, падая и создавая под ногами месиво. Гул боя, рев сотен голосов, все это влетело в мою голову слишком быстро. Ни на секунду не задумываюсь и вылезаю следом за всеми. Лежать бы надо, но ни хрена не понимая, лезу, а куда деваться, привычка выполнять приказ вбита с рождения, да и как тут стоять, когда все бегут?

«Что это? Кто это? Зачем это?» — вопросы мелькали в голове со скоростью тех же самых

пуль, что сейчас летели в меня, ну, или в мою сторону.

Передо мной и вокруг унылый пейзаж, деревьев кот наплакал, местность достаточно ровная, складки незначительны, укрыться практически негде. Лишь вдалеке линия горизонта сильно искривлена. Солдаты в серых, смутно узнаваемых шинелях, чуть не рядами неслись вперед, туда, откуда и летят эти самые пули. Бой. Страшный, как в кино, но бой реальный, разница ощутима буквально каждым волоском. Повсюду, куда ни посмотри, грохот, летящие клочья земли, свистящие осколки и десятки мертвых солдат. Я, довольно опытный сержант контрактной службы, повидавший многое в своей жизни, к такому был не готов. Тут и там вокруг меня падали солдаты, ЛЮДИ. Одни ранеными, они громко и протяжно кричали, призывая и маму, и Бога, и всех сразу. Другие — мертвыми, наглухо, эти смолкали уже навсегда. А я? А я в какой-то момент просто упал и лежу. Как подняться, если вообще не понимаешь, что и как? Грохот, грязь, вонь, суета как на базаре в выходной, народу тьма, в голове вообще бардак, ничего не соображаю. Немыслимая по весу и удобству длиннющая шинель, надетая на меня, казалось, спутывает ноги и не дает пошевелиться, винтовка, напротив, хоть и увесиста, но как-то знакома, что ли. Просто привычка к оружию, запаху пороха и портянок у меня из тех же времен, из детства.

Имя мое Николай, Воронцов моя фамилия. Мне тридцать лет... Было тридцать лет, когда жил в две тысячи восемнадцатом году. Сейчас я даже и не знаю где. Вчера я вернулся из очередной командировки на Кавказ, полгода там кантовался. Вернулся с нашей командой в часть, предстоял месяц отдыха, а то и больше. Наша команда, приписанная к разведроту, имела весьма нестабильный «график работы». То сидим где-нибудь в Чечне или Дагестане, а в последнее время добавили еще и Сирию, месяц, второй, третий, а то и как прошлый раз, аж полгода. А то и дома, то есть в части под Москвой, отдыхаем. Отдых, конечно, это я пошутил так, командир у нас хороший, а значит, хочет, чтобы мы все всегда возвращались домой, а следовательно, тренирует как надо. Гоняет с утра до ночи, как собак, разве что без упряжек, сбрую не считаю, она давно как вторая кожа.

Так вот и говорю. Вернулись, значит, разделся, пошел в душ, с дороги, с поезда, хотелось отмыться скорее, прежде чем в отпуск ехать, а тут... Не знаю, то ли коротнуло что-то в душевой, то ли еще что, но сыпануло вдруг искрами вокруг меня, а я стоял под струями воды и... В общем, очнулся вот тут, в окопе, с винтовкой Мосина в руках и шальными глазами. ...Да, пробовал я себя щипать, пробовал, даже кончик штыка на винтаре потрогал, острый, зараза, ни фига не сон. Сначала думал, как в книжках о попаданцах, сейчас фрицев урою и поеду к Сталину. Каюсь, почитывал я такую

литературку. А вот хрен тебе по всей роже, тут, похоже, что-то другое. Оружие-то подходящее, а вот форма...

Форма странная, на фуражке кокарда с российским триколором, да и сама фуражка немного странная, в общем, на Первую мировую похоже, очень похоже. Почему подумал сначала, что Отечественная война? Так в книгах все время туда попадают, часто туда хотят, вот и я не раз представлял, а что бы сам сделал в сорок первом? Честно? Да ни хрена. Почему в книгах и делают героев удачливыми и неуязвимыми, ибо все прекрасно понимают, что шанс у простого солдата выжить на такой войне ниже нуля, а уж у обывателя двадцать первого века и того меньше. Максимум, кто имеет шанс, — служивый, как я, и это не выпендрож, знаний и умений под фуражкой немало. Хотя на войне выживает тот, кто имеет хоть немного свободы. Тупо исполняя приказ, ты просто сдохнешь. Как может выкрутиться простой человек, не представляю.

На войне живет только военный, другим, к сожалению, тут не место. Тут ведь нет Гугла, кого в помощь-то звать? И о чем тогда писать книгу, если главного героя сразу убьют? Затык выходит. Поэтому и начинают авторы придумывать, как у героя все получается, он всех учит жизни и очень крутой. Ну, а как иначе, это ж книга! Да и как без обучения местных, если ты из будущего? Вы ведь учите не знающего что-либо человека, когда сами хоть что-то по-

нимаєте? Так же и в книгах. Как не поделиться с предками тем, чего они пока не знают?

Много раз ловил себя на мысли: хотел бы в прошлое попасть? Конечно, да. Но вот, блин, мечтал посмотреть, как жилось предкам, посмотреть мир, а тут опять война. Из одной да в другую, как-то нечестно получается. Судьба у меня, что ли, такая.

Прадед воевал, где-то, кстати, недалеко. В Первой мировой участвовал точно, но не знаю, где именно, как-то не застал я его при жизни. Дед воевал в Отечественную, там более или менее известно. Сталинград, Киев и до Германии. Батя, тот не участвовал, но тоже военный, ушел, правда, капитаном в девяносто втором, когда страны не стало. Дядя мой, батин родной брат, командир части, артиллерист, полковником в отставку вышел. Брат Чечню повидал, ну и я, как поскребыш, туда же. Разница в том, что брату и срочки хватило, а мне вот контракт предложили, уж больно служба интересной показалась. Да и не только показалась, она такой и была. Как бухгалтерия, минус один, минус два...

Где-то за спиной раздался взрыв, и меня осыпало землей, воспоминания тут же прекратились, реальность вновь влетела в голову со скоростью пули. Так-так, надо что-то предпринять, что ли, а то так и останусь тут валяться. Потом будем обдумывать, как и что произошло, пока же... Эх, хорошо героям в книжках, попал в про-

шное, осмотрелся, продумал все, что надо сделать, и пошел себе к руководству страны, уморазуму учить предков. А когда вот так, посреди боя, когда неизвестно вообще ничего, что будет с человеком, не знающим, что такое война.

Винтовка в порядке, штык зачем-то примкнут, неудобно же! Осматриваюсь по сторонам. Вокруг все лежат и ведут огонь в сторону... ну, надо думать, врага. Смотрю и я вперед, через прицел вижу немного, какое-то шевеление метрах в двухстах. Ага, так там тоже окопы, стало быть, там и сидят враги? Сначала и не понял, как будто просто пригорки и холмики, а это бруствер траншеи. Удивительно, но на поле боя совсем нет кустов и почти нет высоких деревьев. Последние все чаще обломанные, покореженные разрывами снарядов и шрапнели, а вот кусты... Кусты есть, но они все так аккуратно подстрижены, что диву даешься. Скорее всего, это пулеметами так причесывают, как зеленщик ножницами, даже красиво.

Зачем же нас заставили штыки примкнуть? Или винтовка так и пристреляна? Надо проверить, а то случись стрелять, а я и с пяти шагов не попаду, хотя вообще-то снайпером был на службе. Пристрелка незнакомого оружия на уровне рефлекса вбита, ведь она может спасти жизнь. Чуть повозился, снимая штык, ну мешает он мне, вот хоть тресни.

Винтовка на вид ухоженная, малость потертая в районе хвата, но в целом в порядке. Пошукав по подсумкам, вытащил один патрон,

странно, что россыпью лежат. Вставляю пулей в ствол и удивляюсь: с трудом вошла, проворачиваю с усилием, отлично, почти новая винтовка. А то приходилось в свое время видеть, как пуля аж проваливается в расстрелянный ствол.

Открыл затвор, детали механизма подачи тускло блестят, руки действовали сами, патрон в патроннике, вновь смотрю через прицел. О, дерево мне подойдет. Прямо за вражескими окопами стоит большое дерево, береза вроде, так, сколько тут? Глазомер развит хорошо, слава богу, два года только с СВД бегал, а уж сколько стрелял... Хоть она и не «мосинка» ни разу. Так, двести пятьдесят, думаю. Ветер... Да какой к хренам ветер, я не на снайперской позиции, угрожают сейчас артиллерией, будет тебе и ветер, и влажность, и перепад высот. Для такой пули двести-триста метров вообще не расстояние. Ловлю себя на мысли, что тело-то не мое, но вроде как не сопротивляется моим действиям, и то хлеб. Но в то же время привычные движения выходят как-то... с задержкой, что ли? Каждое действие как будто делаешь впервые. Небольшое неудобство, но наверное, привыкну.

Вокруг все стреляют, так что внимания я не привлекаю вроде. Грохает выстрел и тонет в десятках таких же. Ого! Вот это пинок, надо держать крепче, расслабился с «плеткой», а как деды воевали с «трехлинейкой»? Куда попала первая пуля, от неожиданности не заметил. Да и попала ли вообще куда... Вновь целюсь

в дерево. Выстрел. О, теперь лучше. Как прижал приклад нормально, так и винтовочка как продолжение руки. Кажется, теперь видел попадание, сильно выше того, куда целил. Делаю поправку на прицеле, тащу ползунок, блин, как туго идет! Так, еще деление, выстрел. Вот теперь порядок. Надо запомнить, пристреляна была со штыком, кажется, так и должно быть, я наставление по стрельбе из винтовки образца 1891/1930 годов видел разок, но не помню точно. Подумав, не стал возвращать прицел в прежнее положение, на дистанции даже в сотню шагов слишком большая разница. Да и зачем? Мне тут не в мишень стрелять на точность. Я теперь знаю, как стреляет моя винтовка, хоть и примерно, так что справлюсь, сейчас еще закреплю чуток, стреляют много и со всех сторон, никто на меня не обратит внимание.

Внезапно справа близким разрывом меня вновь закидало землей и, похоже, чем-то человеческим, в смысле что-то тяжелое упало на спину. Поворачиваю голову...

— Колька, Семену Кривому, похоже, хана!

Натыкаюсь взглядом на человека, солдата, глядевшего прямо на меня. Мужик в возрасте, лет под сорок где-то, лицо в глубоких морщинах и грязи, смотрит на меня ошалело.

— Разорвало, прости господи, как газету.

Точно, смотрю, а рядом со мной рука лежит, показалось сначала, что даже пальцы шевелятся. Но нет, лишь кажется. Белые обломки костей торчат наружу, бывшие связки болтаются

кровавыми ошметками. По рукаву шинели, обрывку, разумеется, ползет огромная вошь, вот же сука живучая! Да, а кровушки тут хватает. Даже для меня многовато, тем более спецура, в силу своей специфики, столько крови и растерзанных тел редко когда видит. Мы ж в основном по-тихому: пришли, нагадили, ушли. А уж снайпер и вовсе редко видит лужи крови. А тут... Похоже, надо привыкать, а не то... Черт, все же не сдержался, рвало недолго, нечем, видимо. Во рту помойка, шинель немного забрызгал. А, плевать, все равно весь в грязи. Весна на дворе, поля развезло так, что удивляюсь, как мы сюда вообще дошли. Кстати, сразу не обратил внимание, но кажется, меня и тут зовут моим же именем, интересные дела. Глянуть бы в документы, должна быть какая-нибудь учетная карточка, фамилия та же или нет.

— Давай вперед, хлопцы, всех сейчас немец накроет шрапнелью, если дальше будем лежать! Хотите кишки на кулак наматывать? — доносится приказ.

Хм, командир, что ли, кричит? А говорит-то по делу. Раз вылезли, надо вперед, иначе жопа. Мы тут как на столе лежим, даже без артиллерии могут легко всех уgroхать. Это ж только в будущем любили Жукова и прочих костерить почем зря, дескать, минные поля разминировал пехотой. А сами-то пробовали? У командира приказ, он его выполняет. А если солдаты лежать будут, им всем хана. А уж о том, чтобы провести разминирование местности... Эту

чушь даже комментировать впадлу. Враги-то чего, ждать будут, когда вы тут ползать будете и мины снимать? Это, простите, совсем уж дилетантский взгляд. Нет, конечно, есть саперы и все такое, но тут вам не там. Разминированием не занимаются во время боя. Это в будущем, «Горыныча» запустил прямо во время атаки, он тебе такую дорогу пропашет, что хоть на автобусе езжай. Но тут-то начало двадцатого века. Из инструмента лишь лопата, штык, ну, может, еще щуп есть, и все нафиг. С лопатой и штыком не больно тут насаперишь.

На войне все просто, но и одновременно сложно. Вон враг, иди и убей, иначе он убьет тебя. Идешь, куда деваться. Убьют тебя — другие пройдут. Останешься жив — молодец, почести тебе и признание. Кстати, помнится, в императорской армии посмертно не очень-то награждали.

Встаю и я, машинально отмечая, что в винтовке всего три патрона осталось. Я дважды новую обойму пихал, но третью отстрелять не успел. Хлопаю по подсумкам, но блин, некогда уже перезарядкой заниматься. Минус мне.

Вновь трель свистка, поднимается вокруг меня нестройная цепочка солдат. Да, все устали, мужики, но что делать? Никто не озирается, не смотрит друг на друга, только вперед, туда, откуда на нас льется убийственный ливень металла. А мне очень хочется все видеть, осмотреть каждого бойца и местность, привычка, информация дает возможность выжить.

— Бегом! В штыки! — слышу команду и вновь отмечаю правильность и своевременность, только мне вот не влетело бы, за штык.

Поскакали. А пули-то летят, еще как, только начинаю замечать, что под ногами не вгрызаются в землю. Чуть левее со стороны вражеских позиций заработал пулемет, а это хреново. Покрошат нас сейчас в капусту, икнуть не успеем. Вдруг слышу какой-то шум рядом и чуть скашиваю глаза...

Улюлюканье, ржание и хрип, вот это да! Первый раз в жизни вижу, как наступает конница! Твою мать, реально сила, а страшно, наверное, врагу сейчас. Кони летят, как таран, широкие грудные клетки готовы снести врага одним махом. Топот стоит, аж земля вибрирует, страшно, наверное, и своим, и чужим.

Мимо нас, бегущих, как черепахи, к вражеским окопам устремляются кавалеристы. Шашки наголо, бравада... Им, конечно, тоже достается, даже и побольше, чем нам сейчас. Атака кавалерии хороша лишь по противнику, не успевшему развернуться, или в преследовании, но не так, когда десятки пулеметов устремлены на атакующих. Весь огонь враг переносит на них, и бойцы начинают падать, кони, жалко-то их как, ржут, как будто плачут, спотыкаясь и переворачиваясь через головы. Пули выдирают из тел целые куски плоти, забрызгивая все вокруг кровью. Верховым плохо, кто не успел ноги из стремян выдернуть, кувыркаются вместе с лошадами, ломая себе кости. Не жильцы.